

ЕВГЕНИЙ СМЕЛОВ

Родился в 1894 году в Санкт-Петербурге. В 1918 окончил Санкт-Петербургскую Духовную семинарию, в 1933 — историко-филологический факультет Ленинградского Педагогического института им. А. И. Герцена. В 1918 — добровольцем вступил в ряды Красной Армии. Впоследствии служил на преподавательских должностях в учебных заведениях Военно-Морского флота. В 1949 — вышел в отставку с должности научного сотрудника архива Главного Морского штаба в звании капитана второго ранга. В 1956–1960 годах работал над воспоминаниями о прожитой жизни. Скончался в 1973 году.

ДУМЫ О БЫЛОМ

Петроград в 1919–1921 годах

Комендант дома Фредерикса

По возвращении с фронта в Петроград прежде всего надо было подумать о жилище. В то время в пустующем городе с сильно поредевшим населением помещение найти было легко. Пустовали не только многие квартиры, но даже дома. Свое жилище я нашел в мансарде огромного дома «графа Фредерикса» на Лиговке. Эту мансарду почему-то здесь все называли «парапетом».

В семействе одного ремесленника, состоящем из отца и двух сыновей, я снял одну комнату. В другой, смежной, помещался мой хозяин. Комната, доставшаяся мне с матерью, была длинная, узкая и всегда полутемная. Она своим видом напоминала тюремную камеру: те же серые штукатурные стены, тот же тусклый полумрак, то же единственное небольшое оконце высоко над полом. Чтобы посмотреть через него на Лиговку, надо было встать на табуретку, ухватиться за подоконник и приподняться на мускулах.

Разумеется, окном ни я, ни мать никогда не пользовались. Вся мебель наша состояла из самодельного стола и двух стареньких кроватей. Центральное место в жизни в ту пору занимала знаменитая «буржуйка» — жестяная печурка, для отопления которой достаточно было любых деревянных отходов, хотя бы горсти стружек.

Эти фредериксовские хоромы для меня, так же как для моего хозяина и его сыновей, служили, пожалуй, только спальней. С работы мы все приходили достаточно усталыми, и уже не было сил замечать неприглядную обстановку и тяготиться этим. Одна только моя мать редко выходила из комнаты и была тесно связана с теплой «буржуйкой». И хорошо делала. Лестница со двора к нам на «парапет» была нелегка для пожилого человека. Узкая, почти темная, с такими за долгое употребление отполированными ступеньками, что непривычный человек легко мог на них поскользнуться и спуститься вниз необычным способом.

Про дом барона Фредерикса ходили легендарные рассказы.

Он был необычайно велик, имел много дворов и лестниц. Во время оно он выходил своим главным фасадом на набережную речушки Лиговки. С одной стороны он имел две арки, под которыми были проложены рельсы паровой конки, ходившей по Старому Невскому проспекту¹.

История разбойных дел этого знаменитого дома была красочна и разнообразна. Говорили, что в далекие времена, когда еще «будочники» охраняли покой обывателей, в вечернее и ночное время рискованно было появляться на улице около этого дома. Это подтверждалось немалым количеством трупов, извлекаемых из грязных лиговских вод. Бывали также случаи, что несколько возов с товарами исчезало под многочисленными воротами этого почтенного дома. Полиция же так усердно и небеспристрастно искала этакую знаменитую пропажу, что почти никогда не находила.

Население дома соответствовало его размерам. Здесь можно было встретить представителей всех слоев дореволюционной столицы. Я видел их собственными глазами, так как по случайному обстоятельству мне пришлось побывать почти в каждой квартире и комнате бесконечных коридоров дома и побеседовать с большинством его обитателей. Этим обстоятельством стал первый поход Юденича на наш город. Юденич «превратил» меня, в порядке общественной нагрузки, в коменданта бывшего дома Фредерикса. Главной моей обязанностью стала организация круглосуточных дежурств всех обитателей дома у ворот и на лестницах.

Надо сказать, что в подавляющем большинстве случаев жильцы, назначаемые на дежурство, особенно в ночное время, добросовестно относились к общественному поручению. Правда, этому часто предшествовали мои многочисленные разговоры и уговоры с некоторыми недисциплинированными или неаккуратными обывателями. На такие беседы уходило немало времени. И будь я любопытным, а более того, склонным к судам и пересудам, удовольствий для меня было бы немало. Во всем своем блеске часто раскрывалась предо мною, без всякого старания с моей стороны, обывательская подноготная, самые разнообразные и самые интимные стороны жизни человеческого муравейника.

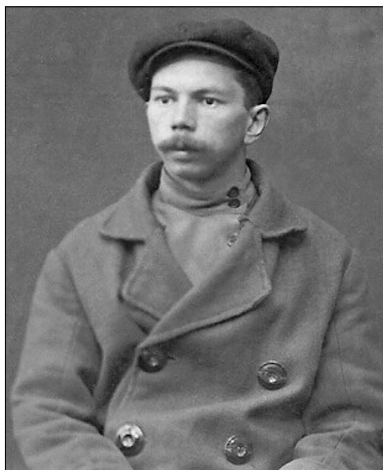
При таком соприкосновении с жизнью, скрывающейся за чужими дверями, немало можно почерпнуть полезных сведений и ярких иллюстраций, достойных вундовского учебника психологии². А какие иногда приходилось видеть искусные представления престарелых дев и вдовиц, не потерявших склонности производить чарующее впечатление на молодого красноармейца. Забавно!

Реквизиции и товарообманы

Все воинские части, входившие в 1919 году в состав Петроградского военного округа, состояли в действующей армии. Ввиду тяжелого продовольственного положения советской республики, отрезанной фронтами от хлебных районов, при многих боевых частях организовывались особые комиссии снабжения, занимавшиеся, между прочим, своеобразным самообеспечением. Такая комиссия была организована при 19-й стрелковой ди-

визии РККА, и я был назначен в ее состав на должность помощника заведующего огородами.

Моим непосредственным начальником был некто М. М. Бараусов, бывший прапорщик царской армии, человек сведущий в сельском хозяйстве, так как он происходил из крестьян. Я же в вопросах огородничества был круглый невежда. Вероятно, мой начальник без труда определил мою «компетентность» и использовал меня лишь на специальные поручения. Одно из них мне хорошо запомнилось.

Евгений Петрович Смелов. 1919 г.

Наиболее близкий к городу огород располагался в Лесном по Муринскому проспекту. По разнарядке нам полагалось получить плуг в известном всем ленинградским призывникам доме № 90 по Фонтанке³. Выполнив все формальности, я получил, наконец, этот плуг. Но когда я заикнулся о транспорте, мне сказали, что об этом нечего и думать: доставку надо организовывать собственными средствами.

Я взвалил ношу себе на плечи, дотащил ее до трамвая и, не считаясь с возражениями кондукторши, поместился с плугом на задней площадке прицепного вагона. На одном из резких поворотов трамвая плуг мой покачнулся, ударил ручкой в стекло, оно жалобно задребезжало, и от него осталось одно воспоминание. Кондукторша испугалась начета за повреждение и принялась меня уговаривать доехать до кольца, чтобы принять участие в составлении акта. Я и сам не собирался покидать трамвай, пока не доеду до нужного мне места, но ехать до кольца мне было совсем не с руки, и на нужной мне остановке нас со зловредным плугом на площадке не стало.

К зиме 1919 года огороды 19-й стрелковой дивизии были занесены снегом, и должность помзава огородами была ликвидирована. Меня перевели в особую продовольственную комиссию 7-й действующей армии (Опродкомарм 7) на должность младшего агента. Я плохо запомнил эту работу, за исключением одного случая.

Недалеко от Технологического института по Международному проспекту тогда находился Клинский рынок⁴. Теперь на этом месте сад за высокой красивой оградой. Так вот, с этим Клинским рынком у меня связано одно из неприятных воспоминаний. Опродкомарму нужны были простые чашечные весы с гирями для взвешивания продуктов, отпускаемых военнотруженикам. Купить или получить такую вещь, как весы, в централизованном порядке, по-видимому, было невозможно. Поэтому начальство Продовольственной комиссии было вынуждено прибегнуть к простому и обычному по тем временам приему, именуемому «реквизиция». Он нередко применялся в период военного коммунизма властью на местах, причем в искаженном виде, грубо и незаконно, без всякой компенсации и без юридических оснований.

Однажды мне в порядке приказа было поручено немедленно отправиться с несколькими вооруженными красноармейцами на Клинский рынок и «реквизировать» весы. Приходим на рынок. Толкучка, как всегда. В мизерном количестве какие-то спекулянты принесли кое-какую снесь и торгуют ею по фантастически баснословным ценам, предпочитая, впрочем, товарообмен, или, как в шутку говорили, — «товарообман».

Я с красноармейцами протискиваюсь сквозь толпу. Торговцы и покупатели поглядывают на подозрительных вооруженных людей по-разному, кто с явной тревогой, кто с плохо скрытой враждебностью, а в общем, все с настороженностью, чуя что-то недоброе — скорей всего, очередную облаву на спекулянтов-мешочников.

Сознавал, что моя миссия требует осторожности и может привести к самой непредвиденной неожиданности, несмотря на то, что у меня под рукой вооруженные товарищи. Возникни, например, массовая драка, и наше оружие может оказаться в давке непригодным даже для самозащиты. Поэтому я старался не привлекать к себе внимания и просил красноармейцев держаться несколько поодаль от меня. Пусть кажется, что мы идем не вместе, а если потребуется, они придут мне на помощь. Идем дальше. Вижу, под навесом примостилась дородная торговка овощами, а перед ней на столе чашечные весы с гириями. Я решительно подхожу к торговке и властной рукой берусь за весы.

Очевидно, мое поведение наводит женщину на привычную мысль, что перед ней контролер, проверяющий правильность весов. Это, видимо, бывало.

— Что вы, товарищ, — довольно сдержанно говорит мне женщина, — и гири, и весы у меня совершенно верные.

— Вот это и хорошо, — отвечаю я ей тем же спокойным тоном, — нам как раз и нужны самые точные весы.

Торговка с беспокойным недоумением смотрит на меня, конечно, не понимая истинного смысла моих слов. Но к нам уже подошли мои красноармейцы. Одному из них я приказываю взять весы, а другому — гири. Это делается решительно и быстро. Женщина ошарашена. Она бессмысленно смотрит, как среди бела дня в многолюдной толпе уплывают ее весы. К счастью для меня, женщина была не криклива. Шума никакого не произошло, и я с красноармейцами спокойно удалился, совершив благополучно порученное мне дело.

Голодные вечера Петрограда

В конце 1919 года я женился, расстался с Лиговкой и переехал на Петроградскую сторону⁵. Ни жена, ни я даже ни на йоту не смущались отсутствием земных благ. Мы были молоды, здоровы, впереди простиралась вся жизнь. Вот что главное! И мы зажили новой жизнью.

Теперь моя одинокая мать перебралась к своему женатому сыну. А жена моя, прекрасная, опытная, трудолюбивая и неутомимая канцеляристка, чтобы улучшить наше материальное положение, то есть увеличить

еще на единицу количество получаемых служебных пайков, пошла на работу в Управление городской рабоче-крестьянской милиции на Гороховой улице, дом 7. Паек был непременным спутником жизни, но даже с ним бывало голодно. Даже и он не всегда спасал изнуренный организм от медленно подкрадывающегося к человеку заболевания авитаминозом.

Евгения Степановна Смелова.
1923 г.

Я, мои родные и некоторые знакомые на собственном опыте узнали, что такое авитаминоз. Вдруг что-то неладное стало у меня происходить со зрением... Днем все хорошо. А как только наступали сумерки, а наступают они у нас осенью и зимой рано, то с моими глазами творились какие-то непонятные чудеса. Словно в моих глазах тоже наступали какие-то сумерки. Все предметы сливались в одну неразличимую массу, источники света я различал лишь на расстоянии, а когда я к ним подходил, они становились для меня невидимыми. Даже в комнате при свете ночничка я вынужден был двигаться наощупь. Днем я был зрячим, а вечером и ночью почти слепой. То же самое происходило и с моей женой.

Вскоре выяснилось, что наше заболевание было ничем иным, как гемералопией или «куриной слепотой», и возникло оно от недостатка витамина А. Помогает же лучше всего рыбий жир. Как только несколько увеличилось и улучшилось наше питание, так прекратился и наш глазной недуг.

Вскоре после женитьбы я с женой, ее сестрой и своей матерью переменили квартиру. В то время это делалось очень просто, так как пустовавших квартир и даже квартир с «бесхозной» мебелью было много. Выбирай любую и занимай с ведома Домкомбеда беспрепятственно. Мне это тем более не трудно было делать, что и отец моей жены, и я сам принимали участие в активе Домкомбеда, председателем которого тогда состояла пожилая, простая, очень энергичная, предприимчивая крикливая женщина. Ее попросту называли «Викторвной». Она была в курсе всех домовых дел, с криком и шумом вмешивалась во все неполадки, дружила с милицией и умела ладить с домкомбедскими активистами.

Викторвна была красочной фигурой, своего рода лесковская «воительница». Казалось, нет такого тяжелого дела, какого она не сможет сдюжить. По ее-то рекомендации мы и заняли четырехкомнатную квартиру в третьем этаже окнами на улицу.

Умственные развлечения меня всегда увлекали. Вот почему в теперешней моей обширной квартире как-то сами собой, стихийно возникали встречи таких же, как и я, молодых людей. Нас объединял молодой задор жизни, желание обменяться мнениями, поспорить. Каждый приходил сюда со своим мироощущением, а часто и со своими новыми знакомыми. Общее между нами было то, что никто из нас, казалось, не интересовался политикой. О ней не было и речи. Обыденная жизнь, то есть жизнь ежеднев-

ная, суточная, реальная, никого из нас не интересовала. Мы развлекались не столько умственной, сколько словесной гимнастикой.

Дело не ограничивалось случайными, приятными, развлекательными беседами. По инициативе моего приятеля по семинарии Ивана Алексеева иногда организовывались рефераты, оживленно и довольно остро обсуждавшиеся присутствующими. Приходили на эти сборища чаще всего студенты и студентки разных институтов. Ванюшка в это время учился, после кратковременного пребывания на естественном отделении университета, в только что открытом сельскохозяйственном институте, помещавшемся в бывшем училище Правоведения на Фонтанке⁶. Он был самый активный участник всех споров на наших рефератах.

Солидным представителем на них бывал молодой военный врач, недавно окончивший Военно-медицинскую Академию, Сергей Евгеньевич Советов, сын генерала Евгения Александровича Советова, без колебания в очень преклонном возрасте перешедшего на советскую службу⁷. Врач Советов был оставлен для подготовки к профессуре в Академии, но одновременно он работал и в больнице Марии Магдалины (ныне имени Веры Слуцкой).

Наши рефераты часто были на темы, поднятые еще не забытым тогда австрийским профессором психологии, мелькнувшим, как метеор, Отто Вейнингером (Weininger). Его нашумевшая в период реакции книга «Geschlecht und Charakter» («Пол и характер») занимала наше воображение. Помню, кому-то пришло в голову прочитать реферат на пикантную тему: «Возможна ли дружба между мужчиной и женщиной?». Реферат подготовил и прочитал Ванюшка Алексеев. Он вызвал оживленный обмен мнениями.

Среди посетительниц молодежных импровизированных собраний в моей квартире была симпатичная студентка первого медицинского института по фамилии Кабардина. Вскоре она вышла замуж за вернувшегося из Лондона русского эмигранта по имени Владимир Николаевич, по-видимому, из партии эсеров. Это был высокий, худощавый, рыжеватый, со щетинкой усов и близорукими глазами, скрытыми всегда под очками, мужчина. Нервный, раздражительный, но очень волевой, с огромным самообладанием. Он был значительно старше своей молодой жены, но возраст его было трудно определить⁸.

Разговаривал он всегда негромко и часто переходил в какое-то раздраженное бурчание, так что иногда надо было внимательно вслушаться в его речь, чтобы понять, что он говорит.

По прибытии в Петроград Владимир Николаевич сразу же устроился студентом одного из последних курсов исторического факультета универ-

Родители Е. П. Смелова — Екатерина Дмитриевна и Петр Васильевич Смеловы. 1894 г.

ситета. Видимо, ему ранее не удалось завершить свое образование. Но его подготовка, а особенно начитанность, были настолько основательны, солидны, разнообразны и прочны, что он быстро сдал университетский курс и написал какую-то работу по русской истории, которую вскоре напечатали.

Иван Флорович Алексеев. 1915 г.

Он был всегда погружен в размышления. Встречаясь на улице со знакомыми, часто их не замечал. От усиленных ночных занятий веки его глаз всегда были воспалены. Но если он на кого-нибудь смотрел, то взгляд его был до крайности внимателен, даже пронизывал человека, казалось, проникал до глубины души. Всякое красноречие Владимиру Николаевичу было чуждо. Это был человек дела, говорил всегда только по существу, но не сухо и не казенно. Речь его всегда была умна, конкретна, отнюдь не трафаретна, а потому всегда интересна.

Он умел поучать, не поучая. Это редкий педагогический дар. О своей жизни он никогда не рассказывал, но без слов было ясно, что она была далеко не легка, своеобразна и многому его научила. Разумеется, он не только учился, но и работал — во многих местах читал лекции по русской истории.

Лекции за железнодорожный паек

Весной 1921 года я демобилизовался, и Владимир Николаевич тотчас же предложил мне работу. Сам он работал в это время заведующим учебно-лекторским бюро (или отдела) Дорпрофсожа (профсоюза работников железной дороги) Мурманской железной дороги, и ему требовался помощник, которому он мог бы поручить всю текущую работу, оставив за собой лишь общее руководство.

Одной из характерных особенностей того времени была масса совместителей на разных службах. Знающих, дельных, опытных людей в то время даже в таком культурном центре, как Петроград, не хватало. Знатоки своего дела ценились очень высоко. Так я неожиданно-негаданно стал помощником Владимира Николаевича по организации всей учебно-лекторской работы на Мурманской железной дороге.

На новой работе мне, прежде всего, пришлось столкнуться с целым рядом тогдашних видных деятелей научной мысли, и не просто столкнуться, а вступить с ними в контакт, организовывать или их лекции, доклады, или систематические занятия. Дело часто не ограничивалось сухими, официальными беседами о времени и месте, об условиях их приглашения на работу в культурной сети Дорпрофсожа в Петрограде или с выездкой на периферию. Встречи мои с учеными, лекторами, педагогами часто приводили меня к интересным, очень содержательным, поучительным беседам.

В течение всей своей сознательной жизни я искренне и неизменно восхищался душевной мягкостью, чуткостью, особой внимательностью ко всему хорошему, красивому со стороны типичного русского интеллигента старого закала. Они умели уважать и себя, и других. Они умели выслушивать чужое мнение, даже враждебное своему собственному, и возражать на него, не бия по лицу своего противника, а спокойно, убедительно, вразумительно, с полной верой в свою несокрушимую правоту.

Именно с представителями такой высокоинтеллектуальной интеллигенции мне и пришлось тогда работать. Хороших докладчиков, лекторов, педагогов сравнительно легко удавалось привлекать к работе в нашем учебно-лекторском бюро. Причиной была возможность зачислять их по совместительству на штатную должность с получением при этом продовольственного железнодорожного пайка и бесплатного проезда один раз в месяц по железной дороге на любое расстояние для членов семьи.

В самом начале моей деятельности по переезде Дорпрофсожа на пятый этаж дома «Перцева» (Лиговка против Кузнечного переулка) мне пришлось организовать два эпизодических культурно-массовых мероприятия: столетний юбилей со дня рождения Николая Алексеевича Некрасова (10 декабря 1921 года) и благотворительный вечер в помощь голодающим в Поволжье⁹.

На некрасовский вечер я пригласил докладчиком известного некрасоведа Владислава Евгеньевича Евгеньева-Максимова, впоследствии профессора Ленинградского университета¹⁰. Он, как и все в то время выбитые из жизненной колеи интеллигенты, не блистал материальным благополучием, был рад любому подходящему приработку к своим скудным средствам и с большой готовностью согласился на мое предложение. Мне показалось, что это неожиданное для него приглашение как-то оживило, обрадовало его. Владиславу Евгеньевичу в то время было тридцать восемь лет, но на вид ему, пожалуй, можно было бы дать больше ввиду его грузной, массивной фигуры и одутловатого, несколько обрюзгшего лица. Однако глаза его блестя живым силой, изобличали в нем ум и энергию.

«Встать. Суд идет!»

Как-то однажды Владимир Николаевич назвал мне впервые фамилию Кони, сказав при этом, что хорошо бы пригласить его постоянным штатным лектором к нам в лекторское бюро, если он, конечно, на то согласится¹¹. Именно тогда я услышал от Владимира Николаевича обстоятельный рассказ о знаменитом юристе, академике, бывшем сенаторе и члене Государственного совета в дореволюционный период, а в советский период, т. е. за последние три года, профессоре Петроградского университета по юридической науке уголовного процесса. Я узнал также, что Кони прославился не только как крупнейший в России судебный, государственный и общественный деятель второй половины XIX и начала XX веков, а и как очень талантливый мемуарист, оставивший потомкам превосходно на-

писанные воспоминания о крупнейших русских писателях, с которыми он был близок.

Рассказал Владимир Николаевич и о громком политическом деле 1878 года, когда революционерка Вера Засулич совершила выстрел в тогдашнего петербургского градоначальника Трепова. Суд над Засулич происходил под председательством Кони. Засулич была оправдана судом присяжных заседателей, а поплатился за это неожиданное для тогдашней власти оправдание председатель суда Кони.

Анатолию Федоровичу было уже семьдесят семь лет, когда я увидел его в первый раз, а так как к этой встрече, можно сказать, был тщательно и умело подготовлен, то впечатление получилось очень сильное, яркое, глубокое, незабываемое. Я внимательно, пристально всматривался в столь замечательного человека и с жадностью восхищенного ученика ловил каждое его слово. Видимо, Анатолий Федорович, обладая острым психологическим анализом, профессиональной наблюдательностью и широчайшей житейской опытностью в чтении чужих скрытых мыслей и чувств, не хуже меня понимал, что со мной творится при каждой встрече с ним. А меня поражало в нем все! Прежде всего, потрясающее противоречие между крайне невзрачной его наружностью и величием его духовного облика. К грузу столь многочисленных и нелегких лет прожитой жизни Анатолия Федоровича присоединялась явная печать тяжелой инвалидности. Он едва передвигался, хромя на обе ноги и опираясь на две палочки. От этого его маленький рост казался еще меньше.

Мне хорошо запомнилось его старческое лицо с отчетливыми следами пройденного жизненного пути. Когда мне, по делам службы, приходилось сидеть против Анатолия Федоровича в его обширном, казавшемся пустым, кабинете (он всегда сидел в темном углу за письменным столом), я мог хорошо рассмотреть его лицо. Это было лицо мыслителя. Большой лоб, голова, покрытая седыми волосами, две глубокие морщины над переносицей, небольшие седые усы и борода, закрывающая только подбородок и напоминающая широкую лопату, вероятно, модная во времена Сергея Тимофеевича Аксакова, украшавшего себя такой же бородой. Особенное впечатление производили на меня губы и глаза Анатолия Федоровича. Сжатые тонкие губы свидетельствовали о самообладании, о крепкой воле этого человека, а в его глазах отражались неповторимые образы прошлого...

Взгляд его глубоко проникал в душу и, казалось, видел человека насквозь. Речь его, о чем бы он ни говорил, всегда дышала умом. Слова сливались в привычную чеканную форму простых, ясных, точных, благородных фраз. Мне казалось, что невыразительно, некрасноречиво, не по существу он говорить не умеет. Мысль всегда владела его словом.

Каждая лекция А. Ф. Кони проходила при переполненной аудитории, безразлично, на какую бы тему он ни читал. Читал он, всегда сидя за столом, из-за которого видны были только его голова и плечи. Каждый слушатель лекций Кони создавал, что сила слова заключается в силе его мысли, согретой пламенем его сердца воспоминаний о тех его незабываемых встречах, о которых он нам рассказывал. Мне иногда казалось, что пожимая руку Ана-

толия Федоровича, я ощущаю своей рукой пожатие невидимой руки Льва Николаевича Толстого, Николая Алексеевича Некрасова и всех тех великих представителей нашей истории, которые некогда пожимали эту руку.

Кони умел своим словом рисовать такие яркие образы прошлого, что полуголодная, утомленная трудовым днем аудитория на время забывала лишние невзгоды тех суровых дней.

Как старый интеллигент А. Ф. Кони отличался общим, присущим этой породе людей, к сожалению, почти исчезнувшей, ярким признаком: исключительной аккуратностью в отношении взятых на себя добровольно обязательств. Щепетильная честность никогда не покидала этих людей. Маститый старик, удрученный годами и недугами, всегда находил и время и силы, чтобы заблаговременно письменно предупредить меня о невозможности прийти прочесть назначенную лекцию. Его записка, очень любезного содержания, никогда не писалась на каком попало клочке бумаги (как, кстати говоря, это часто делал впоследствии профессор Е. В. Тарле).

Обычно извещение вкладывалось в конвертик небольшого формата белого цвета, на котором старческой рукой, но очень ясно и четко кроме имени, отчества и фамилии адресата всегда приписывалось в правом верхнем углу — «нужное» или «спешное» (но не «срочное», как это иногда делается невдумчивыми письмотворцами, не понявшими различия между русскими словами «срочный» и «спешный». Ведь они имеют совершенно разный смысл!).

После каждой «спешной» и «нужной» записки А. Ф. Кони я обычно заходил к нему на квартиру, чтобы согласовать дальнейшее расписание его лекций. Каждая встреча с ним была для меня исключительно приятна. Как бы она ни была кратковременна, Анатолий Федорович каждый раз умел найти несколько теплых слов, умных, интересных замечаний удивительно «а ргорос», так что я неизменно уходил от него в каком-то приятно приподнятом настроении с отблеском его многогранной души в своем сердце.

Как-то в одну из таких встреч почему-то речь зашла об остроте и силе человеческой памяти... В своих воспоминаниях о событиях далекого прошлого Анатолий Федорович, к большому изумлению слушателей его лекции, а еще более читателей его мемуаров, часто рассказывал такие поразительные подробности, что их не могла бы, казалось, удержать самая острая и самая сильная память. Анатолий Федорович объяснил мне, что одна память сама по себе не может удержать для нас на очень продолжительное время все то, что мы хотели бы запомнить. Но память имеет многих надежных и верных помощников. Одним из таковых являются своевременно сделанные записки с любыми подробностями. Они — твердая опора памяти. При этом Анатолий Федорович указал мне на один из шкафчиков, стоящих в кабинете, сказав, что в нем содержатся в строго систематическом порядке в виде картотеки его многочисленные заметки о своих впечатлениях от всего яркого, ценного, что ему повстречалось на жизненном пути.

С юношеских еще лет он начал вести эти заметки и сохранил их в течение всей своей жизни. Вот что значит система! Вот откуда в лекциях и мемуарах А. Ф. Кони можно было услышать или прочесть необъяснимые

только памятью мельчайшие подробности характеристики лиц и событий из минувших дней.

А. Ф. Кони знал, что я бывший «бурсак». Может быть, поэтому он однажды рассказал мне случай из школьных лет своей жизни. Этот рассказ иллюстрировал роль и значение профессиональной находчивости человека в любых затруднительных обстоятельствах. В данном случае речь шла о словесной находчивости, что в иных случаях едва ли не самый трудный вид находчивости.

А. Ф. Кони учился в Первой Санкт-Петербургской гимназии¹². В последнем классе преподавалась космография... И вот гимназисты, шутки ради, решили на уроке закона Божия столкнуть лбами Библию с наукой... Обычная ученическая затея. Чтобы понять смысл намеченной шутки, надо знать, как же именно гимназистам представлялось то противоречие между космографией и законом Божиим, которое они захотели продемонстрировать священнику, т. е. преподавателю закона Божия.

В том месте Ветхого завета, т. е. в первой части Библии, где рассказывается о завоевании и разделении евреями земли обетованной, описано чудесное происшествие во время битвы евреев под предводительством Иисуса Навина с хананеями. Бой продолжался целый день. Победу одержали евреи. Хананеи обратились в бегство. В это время разразилась буря со страшным каменным градом. Град убивал бегущих. А солнце уже клонилось к западу. Вот-вот наступит ночная тьма, и враги евреев не будут добыты.

Еврейский полководец Иисус Навин очень хотел именно в этот день добыть врагов. Он громогласно воскликнул, обращаясь к солнцу: «Стой, солнце!» И вдруг солнце тотчас же остановилось и не закатывалось за горизонт, пока еврейские воины не уничтожили почти всех своих врагов. Этот фантастический библейский рассказ из десятой главы Книги Иисуса Навина показался гимназистам вполне подходящим, чтобы «подкузнить» священника на уроке закона Божия.

Один из наиболее бойких учеников поднялся с места и спросил разрешения задать вопрос священнику. Тот разрешил. Вопрос был заранее обдуман и выглядел примерно так: «В Библии говорится, что однажды Иисус Навин остановил солнце. Это мы знаем из закона Божия, а из космографии мы знаем, что в отношении земли солнце всегда находится в одном и том же положении, а земля движется вокруг него. Как примирить такое противоречие между законом Божиим и космографией?»

«Мы знали, — добавил, Анатолий Федорович, — что священник был и образован, и умен, но все же нам казалось, что своим вопросом мы посадили его „в галошу“ и ему не выкрутиться. И что же? Священник весело улыбнулся, обозвал нас „желторотыми юнцами“ и, в свою очередь, с некоторым даже недоумением спросил нас: „Какое же вы тут увидели противоречие?“ И, продолжая свой вопрос, он уже довольно строго, не роняя своего авторитета, обратился ко всему классу: „Скажите! Вы изучаете космографию до Иисуса Навина или... после него?!“

Все ответили хором, что, конечно, после Иисуса Навина...

— Ну вот, — заключил священник, — значит, никакого и противоречия

тут нет! В космографии совершенно правильно отразился тот факт, что Иисус Навин „остановил“ солнце. Вот, оно теперь и стоит, как вы сказали, в отношении земли. Другое дело, если бы мы изучали космографию до Иисуса Навина. Тогда бы противоречие было бы несомненное...

Находчивость священника поразила весь класс. Мы были восхищены его остроумным ответом, и, конечно, он стал ходить по всей гимназии и за ее стенами».

Последний раз я видел А. Ф. Кони в торжественной обстановке. В 1924 году ему исполнилось восемьдесят лет. Академия наук отметила этот юбилей. Чествование происходило в зале академического здания на набережной Большой Невы. Вход был свободный, без всяких пригласительных билетов. Сравнительно небольшой зал не мог вместить всех желающих, тот же, кто попал на чествование, принужден был стоять, плотно прижатым окружающими. Но жалоб на давку не слышалось.

На высокой эстраде за торжественным столом я увидел знакомое лицо Анатолия Федоровича. Он был бодр и радостен. Больше всего рядом с юбиляром мне запомнилась представительная фигура Владимира Михайловича Бехтерева. На имя А. Ф. Кони было прислано огромное количество поздравительных телеграмм и адресов. Многие звучали очень трогательно. В зале было жарко, душно. Публика изнемогала. Объявили перерыв. Никто не двинулся с места: выйти из зала значило больше не попасть в него. А всем хотелось остаться до конца торжества.

Члены президиума, маститые ученые, поднялись из-за стола и направились за кулисы, но неожиданно остановились, а публика замерла от громкого крика, внезапно раздавшегося в зале: «Встать. Суд идет!» Так началась оригинальная постановка небольшой пьески Гайдебуровским театром — суда над юбиляром. Известный режиссер и актер Павел Павлович Гайдебуров, которому в то время было сорок семь лет, а значит, он мог правильно воспроизводить дореволюционный уклад жизни, не искажая его до неузнаваемости, прекрасно воплотил в этой инсценировке одну из интимных сторон прогрессивных взглядов А. Ф. Кони в мрачные годы самодержавного режима.

Артисты изображали судью, прокурора, адвоката и врача-эксперта времен судебной деятельности А. Ф. Кони. Они наглядно воспроизводили своим видом исчезнувшее прошлое, такое знакомое виновнику торжества. Я видел, как Кони от души смеялся во многих местах постановки, а это уже немало значило к вящей славе Гайдебурова.

Вот артист, играющий роль председателя суда, предоставляет слово артисту, изображающему секретаря, для прочтения обвинительного акта. Акт составлен в серьезно-юмористическом тоне, на что, видимо, П. П. Гайдебуров был способный мастер. По смыслу этого акта А. Ф. Кони обвинялся в том, что, будучи по профессии юристом и судебным деятелем, он в течение всей своей сознательной жизни находился в незаконной переписке с такими подозрительными людьми крамольного духа, каковы, например, Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, В. Г. Короленко и т. д. Это обвинение подтверждалось чтением отрывков из ранее неопубликованных писем А. Ф. Кони к ним и их писем к нему.

Отрывки были подобраны с большим вкусом и производили сильное впечатление на слушателей, воскрешая голос великих представителей русской литературы. Но этим суровое обвинение А. Ф. Кони в его явной преступности не ограничивалось. Мало того, что обвиняемый находился в преступных отношениях с подозрительными людьми и, тем самым, являлся их соучастником, но и сам он в течение своей жизни позволял себе писать, сочинять и печатать такие сочинения, которым самым вопиющим образом попирали его официальное государственное служение как юриста и судебного деятеля.

Этот пункт обвинения, бесспорно, подтверждался ссылками на все то, что опубликовал обвиняемый под общим названием «На жизненном пути». Все это обвиняемый совершил с заранее обдумантыми намерениями и т. д.

По ходу инсценировки судебного следствия не производилось. Вслед за прочтением обвинительного акта слово было предоставлено представителю медицинской экспертизы. Он объяснил суду, что обвиняемый страдает тяжелой наследственностью: отец его был писатель и театральный критик. Кроме того, он был еще и редактор-издатель журнала «Пантеон и Репертуар русской сцены». От отца и передались по наследственности обвиняемому непреодолимая страсть к литературной работе, с которой он не мог справиться.

Роль обвинителя, ввиду полной ясности состава преступления, была очень кратка и повторила то, что содержалось в обвинительном акте, не требующем доказательств.

Защитник, опираясь на мнение судебно-врачебной экспертизы и не имея возможности опровергнуть силу обвинения, просил снисходительно отнестись к одержимому тяжелой наследственностью своему подзащитному.

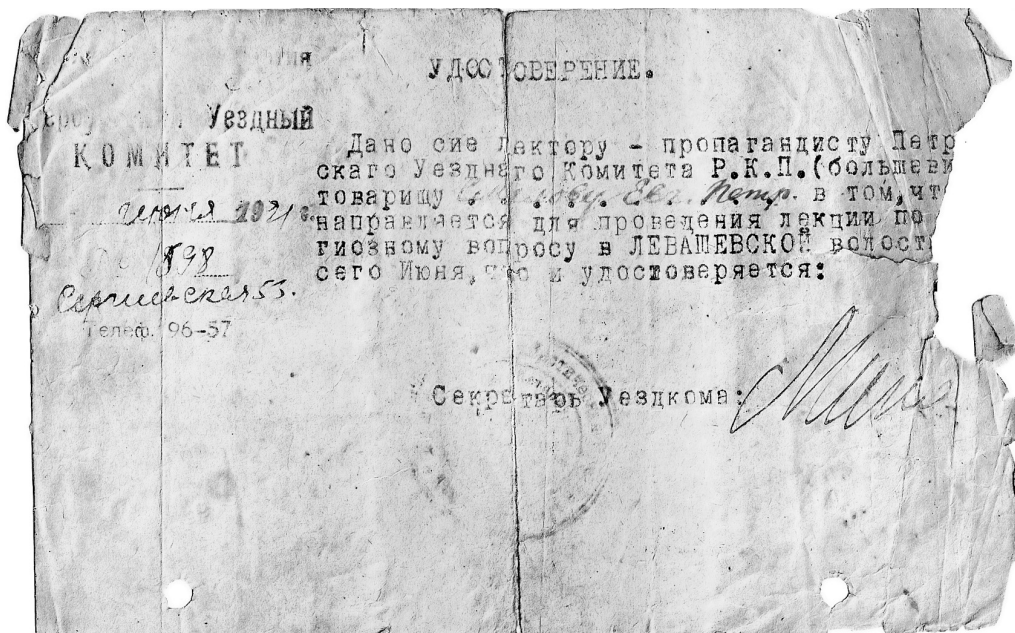
Приговор суда был также немногословен и сводился к тому, что, ввиду отсутствия в советском уголовном кодексе соответствующей статьи, по которой можно было бы осудить обвиняемого, апеллировать к суду истории! Инсценировка вызвала дружные аплодисменты и в публике, и в президиуме.

Через три года после этого торжественного юбилея А. Ф. Кони скончался в возрасте восьмидесяти трех лет. Первоначальным местом его погребения было Тихвинское кладбище Александро-Невской лавры, но потом его прах был перенесен в некрополь Волкова кладбища, где и покоится в настоящее время. Над его могилой установлено надгробие с изображением в профиль его лика...

«Значит, Бога нет!»

Павел Панфилович Жирнов был приятель Владимира Николаевича по эмиграции. Он был полной противоположностью и наружностью, и характером Владимиру Николаевичу. Это был полный мужчина, среднего роста, веселый, разговорчивый, добродушный, склонный к шутке и терпеливо-

му разъяснению своей мысли. Его движения были медлительны, а разговор неторопливый, душевный, обдуманный. Несмотря на приятельские отношения, они представляли разные направления политических марксистских взглядов. Особенно много любил говорить о марксизме Павел Панфилович.

Его марксистские поучения в разговорах со мной, впрочем, вопреки его характеру, редко бывали многословны. Этому мешало мое тогдашнее равнодушие к политическим рассуждениям, а марксизм мне казался сплошной и скучной политикой. Тем не менее, от Павла Панфиловича я постепенно усвоил его убеждение в том, что только с марксистских позиций, только применяя марксистский метод, можно по-научному, т. е. объективно и правильно, разрешить любой вопрос, как бы он ни был труден. Его безграничная вера в марксизм производила на меня сильное впечатление. Марксизм мне стал мало-помалу представляться каким-то мощным оружием в борьбе за истину, но оружием мне неведомым. И вдруг мне представился случай увидеть, как владеет этим оружием сам его горячий апологет.

В это время уездный комитет РКП(б), помещавшийся тогда по Сергеевской улице в доме 53, задумал провести несколько антирелигиозных лекций для крестьян Левашовской волости¹³. Одну из таких лекций читал Павел Панфилович. Он предложил мне поехать вместе с ним в качестве, так сказать, его ассистента. Я согласился. Мне интересно было посмотреть марксизм в действии, чтобы оценить его силу.

Лекция сводилась к опровержению существования Бога. В то время это входило в моду, а потом даже стало злобой дня.

В какой-то просторной избе собралось много народу. Преобладала молодежь. Павел Панфилович говорил умно, довольно просто, с яркими примерами бесполезности надежд на сверхъестественное вмешательство, на Божескую помощь в наших естественных, человеческих делах. Но мне казалось, что даже такая общедоступная лекция все же требует какой-то предварительной подготовки и хотя бы незначительной начитанности со стороны слушателей. Ведь всегда трудно усваивать то, о чем не думал сам.

Хорошо, когда сильные, убедительные, но чужие мысли падают на подготовленную почву, когда они не совсем чужды для слушателя. А тут, мне казалось, этого не было. Ну, а какого-то особенного, мне дотоле неведомого марксистского подхода к вопросу об атеизме я в лекции Павла Панфиловича вовсе не заметил. Принципы и аргументы атеизма мне были хорошо известны. Тем не менее, никакого разочарования от лекции Павла Панфиловича у меня не было. А один его неожиданный и довольно оригинальный прием воздействия на аудиторию произвел не только на слушателей, но и на меня, его «ассистента», сильное впечатление.

Он уже заканчивал лекцию, как вдруг вынул из кармана часы и, подавая мне, сидевшему на скамейке около него, громко сказал: «Вот, держите мои часы! Может быть, меня сейчас поразит сам Бог за мое кощунство над ним. Товарищи, — обратился он к слушателям, — я вызываю Бога! Если он есть, пусть сейчас же на ваших глазах поразит меня смертью. Как вы думаете, сколько минут надо дать Богу на то, чтобы он меня наказал? Дадим две минуты!»

Я видел, как кое-кто из молодежи засмеялся, но большинству было не до смеха. Видимо, привычный страх над такими шутками овладел аудиторией.

«Ну вот, видите, я жив! — заключил лектор. — Значит, никакого Бога нет!» Прием мне тогда показался оригинальным, наглядным и кое для кого, может быть, и убедительным. Тем более, что я знал, что марксисты, будучи атеистами, усвоили из атеизма очень древнее философское положение, будто бы религию породил страх. Значит, в данном случае в борьбе с религией Павел Панфилович попробовал вышибать клин клином — страх перед Богом явной бессмысленностью этого страха.... Я не понимал только одного: при чем тут марксизм?

Курсы повышения квалификации на Троицком мосту

Мурманская железная дорога в нескольких городах, расположенных на ней, имела свои железнодорожные училища и школы, в которых обучались по преимуществу дети служащих этой дороги. В связи с этим возникла мысль об организации курсов повышения квалификации учителей этих школ и училищ, что и было поручено мне. К этому времени Владимир Николаевич почти совсем отошел от руководства делом. Лишь изредка я бывал у него, чтобы посоветоваться по наиболее сложным вопросам. Текущие дела теперь я решал самостоятельно.

В моем распоряжении было два инструктора, оба женского пола. Одна обслуживала все петроградские дела, другая — загородные, т. е. линию железной дороги. Инструкторы эти были приняты на работу без моего участия непосредственно Дорпрофсожем, но работали под моим руководством и подчинялись только моим распоряжениям.

Одна из них поражала своей энергией всех сотрудников, в том числе и меня. Среднего роста, жгучая брюнетка, с очень решительными и властными жестами, она походила на переодетую цыганку. Для нее никакое поручение не было трудным. Она не только без какого-либо возражения, но даже без малейшего намека на нежелание или неудовольствие отправлялась в любую поездку по линии железной дороги, казалась неутомимой и была всегда жизнерадостна, весела и очень остроумна.

Ей не приходилось придумывать меткий ответ на неприятный или неожиданно затруднительный вопрос или на язвительное замечание. Он у ней всегда был на кончике языка. Да! Такую женщину я видел впервые. Видимо, она прошла особую жизненную выучку и вращалась в такой среде, о которой я, может быть, не читал даже и в книжках. Не вселилась ли в нее душа лермонтовской Тамары — коварной и злой, но скрытой под оболочкой жгучей наружности?

В то время анкетные данные в таком учреждении, как профсоюзы, не играли той роли, как впоследствии. Поэтому лишь случайно из разговора с сослуживцами я с некоторым удивлением узнал, что эта «переодетая цыганка» была женой одного из сыновей известного издателя «Нового времени» А. С. Суворина¹⁴. Вероятно, тогда она не была обижена жизнью: ее желания, причуды и капризы могли осуществляться беспрепятственно. А ее прекрасное здоровье позволяло ей стать спортсменкой во многих областях спорта. Она была амазонка-наездница, велосипедистка, мотоциклистка и даже авиаторша.

Организация курсов переподготовки для учителей Мурманской железной дороги расширила мое знакомство с петроградскими педагогами-методистами. В бывшей Учительской семинарии на Петровском острове в маленьких симпатичных коттеджиках я познакомился с двумя талантливыми преподавателями: математиком Кавуном, по виду украинцем, и историком Ярошевским, человеком художавым, несколько болезненного вида и, видимо, нервным¹⁵. Оба они, а также профессор математики в Педагогическом институте И. И. Грацианский, по наружности типичный интеллигент, очень наблюдательный и остроумный, производили на слушателей курсов сильное впечатление, завоевали их уважение и симпатии.

Профессор истории Ярошевский по просьбе слушателей согласился провести экскурсию по городу в пределах колыбели града Петра. Я был на этой экскурсии. Один ее момент запомнился мне навсегда. Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, вмешательство милиционера, которому показалось подозрительным или противозаконным, когда группа экскурсантов человек в пятнадцать остановилась на середине Троицкого моста, чтобы по просьбе экскурсовода обозреть открывающийся взору

прекрасный вид на Петропавловскую крепость, Биржу, Мраморный дворец, Летний сад, Марсово поле и Михайловский замок.

И, во-вторых, чудодейственное воздействие на милиционера ласкового, полного искреннего уважения к человеческому достоинству, приветливого обращения профессора Ярошевского. «Голубчик, — сказал он забеспокоившемуся милиционеру, — посмотрите сами, разве можно здесь не приостановиться? Ведь глаз не оторвать, как все красиво». Я же показал милиционеру свое удостоверение и сказал, что мы — экскурсия железнодорожников.

Всего этого оказалось достаточно для сурового представителя власти, и мы вместе с ним остались на середине моста слушать яркие объяснения профессора тех неповторимых красот великого города, которые видели наши глаза. «Я вас не случайно, товарищи, попросил остановиться на этом месте, — объяснил профессор. — Прежде всего, всмотритесь: именно отсюда изящное здание Биржи в классическом стиле стоит перед нами анфас... Как будто мы отсюда смотрим на участок Древней Греции.

А вот Петропавловский собор. Несмотря на свои размеры, он издали производит впечатление не только стройности, но и легкости. Он как будто устремляется ввысь, поднялся над землей, стремится к небесам в неопостижимом полете...»

Я дотоле ни от кого не слышал о чудесных петроградских архитектурных памятниках таких ощутимо восторженных, глубоко прочувствованных впечатлений. Своеобразный рассказ профессора очаровал всех присутствующих. Мне казалось, что я вижу не хорошо знакомые виды, а новый город, будто бы мне неведомый. Живое чувство нашего поэтически настроенного руководителя-историка волновало всех нас. Поэтому наша благодарность за прекрасную прогулку, трогательную и поучительную, профессору Ярошевскому была и искренна, и горяча.

Среди штатных лекторов большой популярностью аудитории неизменно пользовался профессор университета Сперанский. Его лекции по литературе нравились слушателям.

«Тигр» Клемансо на Мурманской железной дороге

С осени 1921 года я стал преподавателем. После Октябрьской революции вся система народного образования в России перестраивалась на новый лад. Медлить было нельзя. Культурных сил для революционной перепашки старой России не хватало. Для политического просвещения новых большевистских кадров, хлынувших широким потоком в ряды РКП(б), недостаточно было одной грамотности, нужно было более или менее систематическое образование. С этой целью власть приступила к организации первых советских партийных школ.

В то время самые опытные столичные педагоги, даже те, которые еще недавно саботажничали, жаждали работы, приспособиваясь к новым социальным условиям. Надо было жить. Надо было питаться. Уездомский

паек привлекал алчущих. Среди таких алчущих оказался профессор Петроградского университета Евгений Викторович Тарле¹⁶. Он согласился преподавать ученикам совпартшколы курс западной истории. Историю России преподавал Владимир Николаевич. На мою долю выпало преподавание русского языка.

Знакомство с Е. В. Тарле по совместной работе в совпартшколе натолкнуло меня на мысль пригласить его постоянным лектором и к нам — на железную дорогу. Это намерение мне удалось выполнить в полной мере. Е. В. Тарле не только согласился на мое предложение занять штатное место лектора, но охотно разрешил приглашать его на эпизодические доклады с обзором международного положения.

Первый же доклад Евгения Викторовича был для меня новым открытием. Я знал, как трудно, излагая серьезный материал, требующий умственного напряжения, вызвать живое и неослабное внимание аудитории. А тут я увидел «чудо». Казалось, стоило докладчику заговорить, как аудитория становилась послушной и до крайности внимательной к словам оратора. Его рассуждения совершенно не утомляли. В конце доклада слушатели были так же бодрь, свежи и внимательны, как в начале, если не больше. И последний вздох аудитории выражал сожаление, что Тарле перестал говорить, что наступил конец доклада...

Из докладов Тарле я понял то, чего раньше не знал: история современных событий, раскаленных, тревожных, опасных по своим «неожиданным» развязкам, теперь предстала предо мною как одна цепь сложных, непрерывных, взаимообусловленных исторических фактов. В истории теперь я увидел политику. А политическая борьба, как она раскрывалась в международных событиях, представлялась мне в докладах Тарле подлинной исторической ареной, где самую важную роль играет то, что происходит за кулисами этой сцены.

Он раскрывал перед слушателями яркие картины только что отгремевших событий, полнокровных, горячих. Он приучал нас смотреть на эти современные события под таким углом зрения, что они в какой-то мере позволяли нам усмотреть некую историческую закономерность, а стало быть, увидеть за ними ближайший «завтрашний» день, хотя бы в неясных очертаниях. Это зрелище способно было захватить даже флегматиков.

Яркими красками он рисовал фигуры политиков. Вот мы на Версальской конференции. Как будто въявь мы видели, как Пуанкаре произносит при ее открытии речь, гневную, безжалостную, беспощадную для поверженного врага. При этом американский президент, лукавый «идеалист» Вильсон и трезвый практический политик Англии Ллойд-Джордж молчаливо склоняют свои «демократические» головы пред «справедливым» гневом французских дипломатов. И председателем конференции единогласно избирается Жорж Клемансо, по словам американца-очевидца Роберта Лансинга, «старый французский самодержец».

Тарле яркими чертами рисует пред очарованной аудиторией «тигра» Клемансо. И вот всем уже кажется, что пред нами за председательским столом сидит Клемансо... Он ведет заседание быстро, нервно, возражений не

любит, не терпит и всегда добивается своей цели. Решения принимаются в самых повелительных тонах вроде того, что ни один представитель от побежденных стран на конференцию к переговорам допущен не будет. Их позовут только тогда, когда надо будет подписать текст договора по приказу победителей.

Меня увлекали характеристики, которые давал в своих докладах Тарле. В них виделся живой человек, а не социологическая схема, как в пропагандистских брошюрках, рассчитанных на политическую установку момента. Так, о Керзоне из доклада Тарле я узнал, что этот лорд — дипломат, в то время в шестидесятидвухлетнем возрасте, имел блестящую политическую карьеру. Тридцати шести лет он достиг поста заместителя министра иностранных дел. Через четыре года он стал вице-королем Индии. Там он проявил себя твердым правителем. Его жестокости мог бы позавидовать и Трепов. Его голова была заполнена планами новых английских захватов на Востоке. К России он всегда относился подозрительно и враждебно: слишком близка Россия территориально к Индии.

Нечего говорить, что такая почтенная фигура без всякого удовольствия встретила победу рабочих и крестьян над помещиками и капиталистами в России. Керзон прочно встал в ряды непримиримых врагов Советской России. Поэтому его злобные антисоветские ноты никого не могли удивить. Иначе было бы необъяснимое «чудо».

В своих докладах Тарле не был стеснен формальными рамками официальных программ университетского курса. У нас за лекционной кафедрой он позволял себе «вольные» рассуждения о том, что его самого интересовало в данную минуту. Впоследствии, прочитав работу Тарле «Европа в эпоху империализма», я нашел в ней многие мысли, которые уже слышал в 1921 и в 1922 году в его докладах.

¹ Дом *Фредерикса* построен в середине XIX века архитектором Александром Гемилианом. В перестроенном виде вошел в гостиницу «Октябрьская», Лиговский пр., 10.

² *Вундт* Вильгельм Макс (1832–1920), немецкий физиолог и психолог, один из основоположников экспериментальной психологии. Видимо, имеется в виду работа Вундта «Введение в психологию», изданная в России в 1912 г. (пер. с нем. Н. Самсонова).

³ В 1798–1803 гг. особняк на Фонтанке, 90, известный как «Глебов дом», перешел в казну, был перестроен и приспособлен под казармы лейб-гвардии Московского полка. В советское время на протяжении нескольких десятилетий часть здания занимает Ленинградский областной военный комиссариат. В годы Второй мировой войны здесь располагался также пересыльный пункт, откуда призывников отправляли на пополнение частей и соединений армии.

⁴ Сейчас сад «Олимпия», Московский, 44. Ограда сооружена в 1948 г. по проекту архитекторов Г. А. Ашпаряна и В. А. Каменского. Постройки Клинского рынка сгорели в 1942 г.

⁵ Введенская, д. 12.

⁶ Императорское училище правоведения было закрыто в 1918 г. решением Комиссариата народного просвещения, а его здание передано Сельскохозяйственному институту. После войны здание занимали различные учреждения: «Ленэлектромаш», «Ленгражданпроект», «Гипроприбор». С 1966 г. по настоящее время здесь располагается Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН.

- ⁷ *Советов* Сергей Евгеньевич, доктор медицинских наук, профессор Московского педагогического института, основатель (1932 г.) кафедры «Школьной гигиены».
- ⁸ *Кашин* Владимир Николаевич (1890–1938), историк, профессор Ленинградского университета. В шестом классе реального училища вошёл в марксистский кружок, трижды арестовывался, был сослан в Енисейский край навечно. Бежал из ссылки за границу, откуда вернулся в Россию в 1917 г. Работал в Ленинградском университете и в Русском музее. В 30-е годы несколько раз арестовывался по обвинениям в контрреволюционной деятельности. После общего собрания сотрудников Ленинградского института истории АН СССР, где вновь были выдвинуты обвинения в контрреволюции, арестован и в 1938 г. расстрелян. См.: «Что вы делаете со мной!». Документы о жизни и гибели В. Н. Кашина. Сост., вступительная статья и примечания Р. Ш. Ганелина. СПб., 2006. Мемуарист рассказывает о неизвестных страницах биографии Кашина.
- ⁹ *Доходный дом А. Н. Перцова* (или «Перцов дом»), Лиговский, 44, был построен по проекту архитекторов С. П. Галензовского, И. Ю. Мошинского (при участии И. А. Претро) в 1910–1911 гг. в стиле модерн. Дом был рассчитан на жильцов самого разного достатка. В нем имелись благоустроенные (с ванными комнатами и телефонами) квартиры и меблированные комнаты, читальня и кинотеатр для жильцов, магазины.
- ¹⁰ *Евгеньев-Максимов* Владислав Евгеньевич (1883–1955), литературовед, профессор Ленинградского государственного университета, исследователь истории русской журналистики и творчества поэта Н. А. Некрасова.
- ¹¹ *Кони* Анатолий Федорович (1844–1927), юрист и общественный деятель, член Государственного совета, Почетный академик Петербургской академии наук и профессор Петроградского университета. В 1878 г. суд под председательством Кони вынес оправдательный приговор по делу Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Трепова.
- ¹² Первая Петербургская гимназия была основана в 1830 г. и располагалась в здании, построенном по проекту архитектора Шретера в 1824–1827 гг. (Социалистическая, бывшая Ивановская, улица, 7). Среди первых преподавателей гимназии были выпускники Царскосельского лицея и Санкт-Петербургского университета, в числе выпускников — многие выдающиеся люди, составившие славу России. В настоящее время это средняя общеобразовательная школа № 321 Центрального района Петербурга.
- ¹³ Здание по Сергиевской, 53 — это бывший особняк архитектора Александра Карловича Кольмана, построенный им для себя (в соавторстве с архитектором Е. И. Ферри де Пиньи) в 1859–1861 гг. в стиле неоренессанс. В настоящее время в нем располагается Военный комиссариат Центрального района.
- ¹⁴ *Суворин* Алексей Сергеевич (1834–1912), публицист, театральный критик и издатель газеты «Новое время». В книгоиздательстве Суворина работала невеста мемуариста — Евгения Степановна Александрова и ее отец — Степан Александрович Александров.
- ¹⁵ Учительская семинария находилась в рабочем поселке заводчика Франца Сан-Галли на Петровском острове. После революции переименована в педагогический техникум им. Ушинского.
- ¹⁶ *Тарле* Евгений Викторович (1875–1955), историк, специалист по истории Франции времен Французской революции и Наполеона. В 1903–1917 гг. приват-доцент Петербургского университета. С 1917 г. — профессор Петроградского (затем Ленинградского) и Московского университетов. Академик Академии наук СССР.